

ИГРЫ В СЕРСО ПОД ДУЛОМ ПИСТОЛЕТА

В НИХ ИГРАЮТ ПЕРСОНАЖИ КАРТИН НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ В ТРЕТЬЯКОВКЕ НА КРЫМСКОМ ВАЛУ

У «Адама и Евы» (2003 г.)
можно подумать о вечном

ФОТО ИТАР-ТАСС

Вчера для широкой публики открылась выставка Нестеровой «Отражения утраченного времени». 50 работ за последние три десятилетия представлены из собрания нью-йоркского Фонда IntArt, самой Третьяковки, Русского музея, Музея Людвиг в Русском музее, Галереи современного искусства «Палаццо Форти» и музея «Арбат Престиж».

Кстати, именно учредитель Фонда IntArt Александр Герцман уже многие годы занимается выставками художницы, собрал и организовал нынешнюю и выпустил роскошный альбом-книгу, к ней приуроченную. Сама же выставка «Отражения утраченного времени» уже побывала в Германии и после Третьяковки будет демонстрироваться в других странах Европы и США.

Яркие, с крупными чертами лиц, почти лепными носами мужчины в шляпах, женщины в платьях с оборками и летних манто — плотские, живые, вроде бы монументальные и одновременно очень подвижные, быстрые в ходьбе и энергичные в жестах — сидят на скамейках, ходят по бульварам Москвы с их осенними деревьями, памятниками, чугунными решетками. Какое все знакомое, сугубо московское, с непередаваемым единством ироничности, почти хулиганствующего подтрунивания и человеческой теплоты!

Таковыми впервые запомнились картины Натальи Нестеровой на выставке в Доме художника на Кузнецком Мосту еще в 1974 году. Она была посвящена четырем художникам, но в Нестерову невозможно было не влюбиться сразу и навсегда. Лично я даже сейчас могу вспомнить и показать, в каком зале и где, на какой стене висели ее работы...

Десятилетие спустя надо было завестись у Натальи Игоревны наше

интервью с ней, и она вдруг сказала: «Его должна прочитать мама...» Выставка художницы «Отражения утраченного времени», ее альбом посвящены прежде всего маме — Зое Николаевне Нестеровой, с которой художница прожила бок о бок 58 лет. И когда на вернисаже кто-то из журналистов спросил о самых счастливых и трудных периодах жизни и творчества, Нестерова по-житейски просто ответила: «Счастливой была молодость. Сейчас тяжело терять близких людей. И понимать, что эти потери невосполнимы...» Конечно, она говорила о маме.

«Детство мое — счастливое детство, — говорит Наталья Игоревна. — Родители были архитекторами. А дедушка — очень хорошим художником и педагогом (он учился с Фальком, они одной школы). И тогда, и сейчас у нас в доме висят его картины — близкие по манере Сезанну. Он любил Сезанна и Дерена. Поэтому мне не надо было прилагать усилий, чтобы войти в мир живописи. Любимой моей книгой в детстве был огромный альбом западного искусства, который я бесконечно разглядывала, особенно когда болела, а болела я часто. Там были Матисс, Сезанн, Ван Гог. Поэтому позже мне никогда не надо было в себе что-то преодолевать, открывать, постигать для восприятия самых разных направлений. Живопись вошла в мою жизнь естественно. И сколько помню себя — я всегда рисовала».

Детство до сих пор на ее картинах «Игра в обруч», «Чехарда», «Городки» — словно особый, утраченный мир. Не просто безоблачно-нежный, нет. Но — упрямый, ясный и ностальгически грустный. Мальчишки и девчонки в одинаковых белоснежно-полосато-синих матросках, играя и споря друг с дру-

гом, честны и настойчивы. «Утраченное время» на этих картинах — это тоска по справедливости.

Был период, когда Наталья Нестерова писала картины на библейские сюжеты, закрывая лица персонажей однотонными белыми или охристыми масками. На выставке он представлен работами «Омовение ног», «Мужи в Гефсиманском саду», «Поцелуй Иуды». Драматизм ситуаций и отношений читается лишь по максимально скупым жестам, насыщенному, тревожному колориту широких мазков. В этих картинах есть скрытая мощь и сила страстей, величие и монументальность раннего Возрождения, и прежде всего любимого художницей Джотто. Это работы 1992 года. Теперь Нестерова вернулась к открытым лицам — правда, играть гримасами ее персонажи не стали.

— Истосковались по лицам? Вернулись к ним?

— Тогда мне казалось, что я тиражирую одинаковые лица. Закрывает их масками. Потом опять стала писать лица. А сейчас горюю, что открыла их, поскольку под маской скрывается больше тайны, она расширяет смысл.

Был и период, когда Наталья Нестерова не только закрывала лица, но и превращала людей на холстах в манекены в цирковых трико.

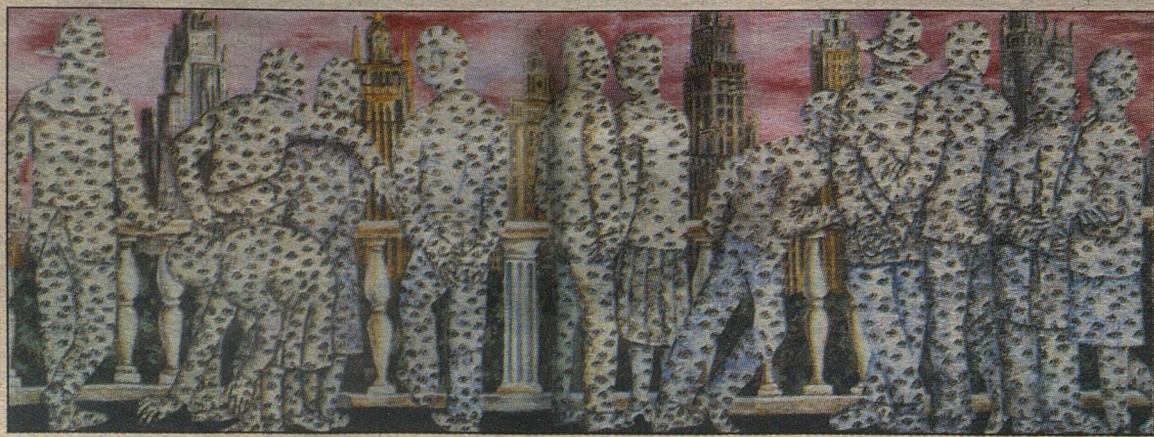
А теперь, на картинах 2003 года «Нервный, агрессивный, самодовольный», «Равнодушный, наглый, послушный», «Беззаботность, надежда, отчаяние», «Юность, зрелость, старость», ее персонажи-символы превратились в каких-то кукол, забинтованных с ног до головы пациентов больницы. Страшноватыми выглядят в равной мере и ее радость, и ее печаль.

В декабре 1993 года в мастерской у Нестеровой мне запомнились две очень сильные работы. Одна — уличный факир с факелом среди скопления зевак готовится то ли глотать, то ли раздуть огонь. Другая — толпа людей на фоне полыхающего пламени, на лицах — застывшие маски: оцепенение, ужас, страх... Это была ее реакция на расстрел Белого дома. «Эти события показали, — говорила тогда Наталья, — что мы все ходим по лезвию бритвы; показали, как наша жизнь зависит от каких-то совсем недостойных людей. Сейчас трагическое время, а не смешное. — И добавила: — Я всегда себя чувствовала под дулом пистолета».

Интересно, что даже в целом цикле ее картин с морскими пейзажами, пляжными шезлонгами, гамаками, песчаными дюнами, отдыхающими мужчинами и женщинами (опять же в бело-полосато-синих костюмах и платьях) и атакующими их чайками есть ощущение этого лезвия бритвы — простор, свежий соленый ветер и кровожадно-хищные птицы.

Но все же в отражения утраченного времени она выглядит без отчаяния и надрыва. Взгляните на афишу выставки: мужчина и женщина, держащая широкополую шляпу от ветра, идут к нам спинами по песчаному пляжу. В них такое внутреннее достоинство, столько прохладной правоты и такое ощущение простора и свободы, что хочется немедленно к ним присоединиться.

Петр КУЗЬМЕНКО

Москва. 1989 год

Вет. Москва - 2005 - 20 янв. - с. 32

252